

СУЩЕСТВУЕТЪ ЛИ ВЪ ПРАВОСЛАВІИ СВОБОДА МЫСЛИ И СОВѢСТИ?

«Вы стали маленькими и будете все меньше: это сдѣлало Ваше ученіе о смиреніи и послушаніи».

Перефразъ изъ «Also sprach Zarathustra.» Ницше.
Н. Б.

Наступаютъ времена, когда нужно прекратить двусмысленность и недоговоренность и дать прямой и ясный отвѣтъ, признаетъ ли Православная Церковь свободу мысли и совѣсти? Справедливы ли со стороны православныхъ постоянныя обвиненія католиковъ, что у нихъ нѣтъ свободы, обвиненія, основанныя на предположеніи, что у самихъ православныхъ эта свобода есть. И ставится еще другой вопросъ: связано ли Православіе съ опредѣленной политической системой, напр. съ монархизмомъ, націонализмомъ, сословнымъ строемъ, по модѣ сегодняшняго дня съ фашизмомъ или оно допускаетъ различныя точки зрѣнія? Можетъ ли православный, оставаясь профессоромъ православной духовной школы, быть демократомъ, социалистомъ, быть защитникомъ свободы, социальной справедливости, достоинства человѣка? Вопросъ этотъ очень остро

*) Авторъ беретъ исключительно на себя отвѣтственность за эту статью. Эта отвѣтственность не распространяется ни на «Путь» въ цѣломъ, ни на отдѣльныхъ сотрудниковъ «Пути».

Редакція.

ставится тягостнымъ случаемъ съ Г. П. Федотовымъ. По предложенію митрополита, профессора Богословскаго Института предъявили Г. П. Федотову ультиматумъ: или уйти изъ профессоровъ Богословскаго Института или перестать писать статьи на политическія темы въ «Новой Россіи» и другихъ органахъ «лѣваго» уклона. Рѣшеніе это было вынесено людьми, которые статей Г. П. Федотова не читали и руководствовались исключительно извращающими смыслъ цитатами одной газетки, представляющей самый дурной образецъ желтой прессы. Я не буду останавливаться на анализѣ этой неприглядной исторіи, свидѣтельствующей о поразительномъ отсутствіи мужества и рабскихъ чувствахъ, которыя, увы, очень традиционны. Меня интересуетъ принципиальный вопросъ. Рѣчь шла не о статьяхъ на богословскія темы, а о статьяхъ политическихъ. Обвиненіе было въ томъ, что статьи «лѣвыя» и что авторъ не можетъ быть причисленъ къ «національно мыслящимъ». Признается недопустимымъ для профессора Богословскаго Института заниматься политикой. Но это неправда. Профессорамъ Богословскаго Института разрѣшается сколько угодно заниматься политикой, но исключительно «правой» политикой. Никто не предложилъ бы профессору Богословскаго Института выйти изъ состава профессуры, если бы онъ написалъ статью въ защиту монархической реставраціи и крайней національной политики. Одинъ изъ профессоровъ даже возглавлялъ правую націоналистическую организацію. Церковь въ эмиграціи въ лицѣ своей іерархіи постоянно совершала политическіе акты демонстративными молебнами, панихидами и проповѣдями. Этимъ оно наносило тяжелыя раны церкви внутри Россіи. Церковь не совершила великаго акта разрыва своей связи со старымъ режимомъ, не очистилась. Нѣтъ, запретъ заниматься политикой относится исключительно къ «лѣвой» политикѣ. Г. П. Федотовъ — христіанскій демократъ и гуманистъ, защитникъ свободы человѣка. Онъ терпѣть не можетъ коммунизма. Онъ также несомнѣнный русскій патриотъ, что болѣе достойно, чѣмъ быть «національно мыслящимъ». Онъ совсѣмъ не держится крайнихъ взглядовъ. Оказывается, что защита христіанской демократіи и свободы человѣка недопустима для профессора Богословскаго Института. Православный профессоръ долженъ даже быть защитникомъ Франко, который предалъ свое отечество иностранцамъ и утопилъ народъ свой въ крови. Совершенно ясно, что осужденіе Г. П. Федотова профессурой Богословскаго Института было именно политическимъ актомъ, актомъ глубоко компрометирующимъ это учрежденіе, бросая на него тѣнь реакціонности.

Отъ Г. П. Федотова требуютъ, чтобы онъ былъ «національно мыслящимъ», хотя его менѣе всего можно заподозрить въ сочувствіи интернаціонализму. Нѣтъ ничего отвратительнѣе самаго выраженія «національно мыслящій». Мы знаемъ, что значитъ быть «національно мыслящимъ»: на практикѣ это значитъ быть безчеловѣчнымъ, корыстолюбивымъ, насильникомъ, ненавистникомъ, провокаторомъ войны и часто войны противъ собственнаго народа. Міръ погибаетъ сейчасъ отъ націонализма, онъ захлебнется въ крови отъ «національно мыслящихъ». Церковь должна была бы осудить націонализмъ, какъ ересь жизни, и католическая церковь къ чести своей близка къ этому осужденію. Национализмъ есть язычество внутри христіанства, разгулявшіеся инстинкты крови и расы. Христіане, которые не предають Христа и Евангелія (большая часть христіанъ предають), не имѣють права быть «національно мыслящими», они обязаны быть «универсально-мыслящими», быть согласными съ евангельской моралью и ужъ во всякомъ случаѣ съ моралью человѣческой. Да и у современныхъ «національно мыслящихъ», ничего національнаго нѣтъ, они совсѣмъ не дорожатъ національной культурой, напр., русскіе «національно мыслящіе» совсѣмъ не дорожатъ традиціями русской литературы, нѣмецкіе «національно мыслящіе» не дорожатъ традиціями нѣмецкой философіи. О русскихъ «національно мыслящихъ» въ эмиграціи лучше и не говорить, они съ большой легкостью отдають Россію ея смертельному врагу Гитлеру. Ген. Франко тоже считаютъ «національно мыслящимъ», хотя онъ велъ истребительную войну противъ своего народа при помощи итальянцевъ и нѣмцевъ. Стыдно произносить слова «національно мыслящій», «національная политика», до того низкія вещи за этимъ скрыты. Есть только одинъ критерій христіанскаго отношенія къ политикѣ — **человѣчность**, т. е. свобода, справедливость, милосердіе, достоинство личности. Коммунизмъ подлежитъ христіанскому суду не за то, за что его судять «правые» и «національно мыслящіе», а за отрицаніе человѣчности и свободы, за отсутствіе милосердія и за жестокость. «Національно мыслящіе» сами охотно уничтожили бы всякую свободу, нисколько не считались бы съ достоинствомъ человѣка и навѣрное проявляли бы не меньшую жестокость. Уродливьяя проявленія русской коммунистической революціи есть прежде всего вина «правыхъ» и «національно мыслящихъ» стараго режима.

Есть еще одно обвиненіе противъ Г. П. Федотова: онъ интеллигентъ. Повидимому то, что онъ «не національно мыслящій» и съ «лѣвымъ» уклономъ, объясняется его природой интелли-

гента. Обскурантская реакція противъ революціи превратила слово интеллигентъ и интеллигенція въ ругательные. Особенно невѣжественная часть молодежи, которая не знаетъ ни смысла, ни исторіи употребляемой терминологіи, не сомнѣвается въ томъ, что очень плохо быть «интеллигентомъ». Но пора прекратить это безобразіе. Что противопоставляется «интеллигенціи»? Прежде всего органическія сословія: дворянство, духовенство, купечество, мѣщанство и еще чиновничество. Русская интеллигенція имѣла не мало недостатковъ и въ свое время я не разъ ее критиковалъ, когда это еще не означало бить лежачаго. Но сословія эти защищали свои корыстные интересы, погружены были въ ограниченный бытъ, отличались рабьей покорностью передъ сильными міра сего. Интеллигенція же по своему искала правды и справедливости, боролась за достоинство человѣка, за свободу народа, не охраняла никакихъ классовыхъ интересовъ и возвышалась надъ классовой ограниченностью. Правда, изъ русскаго дворянства XIX вѣка вышли люди, поражающіе своимъ безкорыстіемъ, преодолевающимъ предрасудки и интересы своего класса, участники освободительнаго движенія. Изъ дворянства вышли и творцы великой русской литературы. Но тогда они превращались въ интеллигентовъ и сливались съ интеллигенціей, въ которой были выходцы изъ разныхъ классовъ. Я болѣе имѣю основаній гордиться тѣмъ, что я «интеллигентъ», т. е. искалъ истины и правды, чѣмъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Когда говорятъ, что православный долженъ быть «національно мыслящимъ» и не долженъ быть «интеллигентомъ», то всегда хотятъ охранить то старое язычество, которое вошло въ православіе, съ которымъ оно срослось и отъ котораго не хочетъ очиститься. Люди такой формаціи могутъ быть очень «православными», но они очень мало христіане. Они даже считаютъ Евангеліе баптистской книгой. Они не любятъ христіанства и считаютъ его опаснымъ для своихъ инстинктовъ и эмоцій. Бытовое православіе и есть язычество внутри христіанства.

Это язычество, давно утерявшее свою древнюю поэзію, защищается, какъ старая традиція, и оно именно противопоставляется гуманизму. Въ христіанскомъ смыслѣ эта традиція не очень древняя, она во всякомъ случаѣ не восходитъ до истоковъ христіанскаго откровенія, до первохристіанства, до періода греческой патристики. Но въ языческомъ смыслѣ она очень древняя, она восходитъ къ племеннымъ культамъ, къ культамъ домашняго очага, даже къ тотемизму первобытныхъ клановъ. Любые предрасудки, любыя бытовыя привычки защищаются,

какъ священная традиція. Но нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что всякая традиція хороша. Традиція можетъ быть измѣнной совершенной въ прошломъ, конформизмомъ съ самымъ дурнымъ человѣческимъ, рабствомъ прошлаго. Евангеліе совсѣмъ не традиціонно, оно направлено противъ традиціонализма, оно революціонно.

Въ исторіи сакрализировали всякую мерзость подъ напоромъ «царства Кесаря», подъ корыстными соціальными вліяніями. Рабство, крѣпостное право, введенное въ катехизисы Филарета, деспотическая форма государства, отсталость научнаго знанія — все было священной традиціей. Нѣтъ такихъ формъ рабства, деспотизма и обскурантизма, которыя не были бы освящены традиціей. Нѣтъ ничего ужаснѣе тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы въ историческомъ православіи изъ идеи смиренія и послушанія. Во имя смиренія требовали послушанія злу и неправдѣ. Это превратилось въ школу угодничества. Формировались рабы души, лишеныя всякаго мужества, дрожащія передъ силой и властью этого міра. Гражданское мужество и чувство чести были несовмѣстимы съ такого рода пониманіемъ смиренія и послушанія. Отсюда и подхалимство въ совѣтской Россіи. Русское духовенство, іерархи церкви всегда трепетали передъ государственной властью, приспособлялись къ ней и соглашались подчинить ей церковь. Это осталось и сейчасъ, когда нѣтъ уже, слава Богу, лживаго «православнаго государства». И сейчасъ люди церкви трепещутъ передъ правой эмиграціей, разыгрывающей роль государственной власти, и подчиняются ея веленіямъ въ вопросахъ церковной политики, вмѣсто того, чтобы учить ее христіанству. Это мы видимъ въ исторіи съ Г. П. Федотовымъ, дѣлающей ему большую честь. Такіе выдающіеся люди, какъ отецъ Сергій Булгаковъ, являются жертвой господствующей атмосферы. Съ горечью нужно признать, что официальное православіе оказывается самой обскурантской и самой инертной формой христіанства. Было только два исключенія — греческая патристика и русская религіозная мысль XIX вѣка и начала XX вѣка. Изъ греческой патристики, изъ Оригена, Св. Григорія Назіанзина, Св. Григорія Нисскаго, Св. Іоанна Златоуста и др. можно собрать цитаты, которыя послужили бы отличнымъ поводомъ для исключенія изъ профессуры Богословскаго Института. Такъ напр., Св. Іоаннъ Златоустъ былъ настоящимъ коммунистомъ своего времени, представителемъ константинопольскаго пролетаріата. Несчастливая же русская религіозная мысль официально не признавалась, обвинялась въ неправославности и сейчасъ болѣе чѣмъ когда бы то ни

было отлучается. Но только въ русской религіозной мысли, у Хомякова, Достоевскаго, Вл. Соловьева, мыслителей XX вѣка, была свобода совѣсти и мысли. Ея никогда не было и нѣтъ въ официальномъ православіи, въ официальной церковности. Такіе люди, какъ Ниль Сорскій или Св. Тихонъ Задонскій были исключеніемъ. Западные же христіане, склонные къ экуменизму, болѣе всего интересуется именно русской религіозной мыслью, часто смѣшивая это теченіе русской мысли съ официальной церковностью, не зная нашей внутренней борьбы. На этой почвѣ происходитъ иногда настоящая мистификація. «Правые» православные все ждутъ «кесаря», который будетъ ихъ защищать и будетъ имъ покровительствовать, истребляя мечемъ ихъ враговъ. Это ожиданіе губитъ православіе. Ждутъ «кесаря» не во имя царства Божьяго, а во имя царства Кесаря, которому давно поклонились вмѣсто Бога. Пусть успокоятся, желанный «кесарь» можетъ явиться, если христіанскія духовныя силы не будутъ этому противиться, но онъ будетъ предшественникомъ антихриста. Тогда пожалѣютъ о свободолюбивыхъ демократіяхъ. Ложное, рабье ученіе о грѣхѣ, ложное пониманіе смиренія и послушанія и приведутъ къ окончательному царству зла, къ торжеству антихристового духа въ мірѣ.

Мы больше всего нуждаемся въ безстрашной правдивости, въ окончательномъ низверженіи условной лжи, въ которой гніетъ официальная церковность, гніетъ и міръ. Нужно правду сказать. Въ авторитетномъ католичествѣ больше свободы, чѣмъ въ православіи, которое на словахъ продолжаетъ почитать Христа своимъ единственнымъ главою. Приведу примѣръ. Жакъ Маритенъ, самый выдающійся католическій мыслитель Франціи, профессоръ Institut Catholique, защищаетъ христіанскую демократію, христіанскій гуманизмъ, достоинство и свободу человѣческой личности, обличаетъ антихристіанскую ложь антисемитизма, особенно горячо обличаетъ генерала Франко, прикрывающагося католичествомъ, онъ говоритъ и пишетъ почти тоже, что Г. П. Федотовъ, и его никто не трогаетъ, ему не предлагаютъ покинуть высшую католическую школу Франціи. А что говорилъ папа Пій XI? Онъ защищалъ свободу духа, достоинство человѣческой личности, обличалъ диктатуры, обличалъ расизмъ и антисемитизмъ, защищалъ миръ народовъ. Въ зарубежномъ православіи его мысли вѣроятно признали бы несовмѣстимыми съ положеніемъ профессора высшей богословской школы. Слишкомъ ясно, что Православіе въ эмиграціи хотятъ превратить въ послушное орудіе реакціонной политики, при томъ политики измѣняющей русскому народу. Пусть от-

крыто скажутъ, признаетъ ли Православіе свободу личной совѣсти, которой у насъ такъ хвастали передъ католиками?

Въ дѣйствительности, совѣсть перенесена на коллективы, совсѣмъ какъ въ коммунизмѣ, и на отвратительные мракобѣсно-реакціонные коллективы и на ихъ желтую прессу. Но никакая коллегія не смѣетъ посягать на священные права человѣка, на свободу человѣка. Свобода реально существуетъ у насъ лишь въ «модернизмѣ», лишь въ теченіи, стремившемся къ реформѣ, начиная съ Хомякова, и къ несчастью задавленномъ теченіемъ реакціоннымъ официальной церковности, казеннаго православія. Пора правду сказать на площадяхъ, ничего не скрывая и не замазывая, правду безтактную. Православіе нуждается въ реформѣ и безъ реформы оно начнетъ разлагаться и выдѣлять трупные яды. То, что называютъ «истиннымъ», «ортодоксальнымъ» православіемъ, и есть это разложеніе, омертвѣніе. Реформа совсѣмъ не означаетъ реформы типа лютеранскаго или кальвинистическаго, она будетъ иной. Но свободу духа, свободу совѣсти, свободу мысли она будетъ защищать болѣе, чѣмъ Лютеръ и Кальвинъ, которые защищали ее недостаточно и непослѣдовательно. Реформа начнетъ съ признанія верховенства личной совѣсти, не поддающейся отчужденію и экстеріоризаціи, т. е. свободы духа и независимости духовной жизни отъ вліянія «царства кесаря». Соборность не имѣетъ никакого смысла, если она не заключаетъ въ себѣ свободы духа и личной совѣсти. Безъ свободы соборность есть внѣшній авторитарный коллективизмъ.

Сейчасъ повсюду въ мірѣ происходитъ раздѣленіе христіанства и это раздѣленіе необходимо углублять. Происходитъ катастрофическимъ путемъ очищеніе христіанства отъ тѣхъ историческихъ наслоеній, которыя ничего общаго не имѣютъ съ истоками христіанства и привнесены социальными интересами царства кесаря. Это есть одухотвореніе христіанства, оно дѣлается болѣе внутреннимъ и искреннимъ, болѣе связаннымъ съ завѣтами Христа и болѣе творческимъ. Наступаетъ конецъ «бытового», т. е. языческаго христіанства, происходитъ разрывъ съ языческими традиціями въ христіанствѣ, съ ложной сакрализацией историческихъ тѣлъ, происхождение которыхъ должно быть объяснено социологически. Кончается царство условно-реторическаго, декламационнаго христіанства. Но передъ своимъ концомъ оно можетъ еще сдѣлать много безобразій, много злобы еще можетъ проявить. Христіане новаго типа, новаго чувства жизни, творческіе христіане всѣхъ вѣроисповѣданій перекликаются между собою и между ними больше близости,

чѣмъ внутри каждаго вѣроисповѣданія. Они должны соединяться.

Христіанство очищенное, освобожденное отъ плѣна, которое нельзя уже будетъ заподозрѣть въ защитѣ классовыхъ интересовъ и соціальныхъ несправедливостей, поставлено передъ новой соціальной дѣйствительностью и должно дать творческій отвѣтъ на соціальныя проблемы нашихъ дней. Прежде всего, христіане должны отказаться отъ дурной и двусмысленной привычки отвѣчать не на тотъ вопросъ, который имъ задаютъ. Когда васъ спрашиваютъ, какъ вы относитесь къ данному конфликту рабочихъ съ капиталистами или къ коллективнымъ контрактамъ, то не подобаеъ отвѣчать: «Мы вѣримъ въ бессмертіе души», или «мы вѣримъ въ богочеловѣчество Христа». Подобаетъ дать конкретный отвѣтъ именно на поставленный вопросъ. Эти отвѣты не въ попадѣ всегда производили впечатлѣніе защиты какой либо несправедливости. Ближе всего къ христіанской правдѣ стоятъ такія теченія, какъ коммюнаторный персонализмъ группы «Esprit», какъ религіозный соціализмъ Рогаца, Андрэ Филиппа и др. Въ политикѣ Л. Блума я вижу больше христіанской человѣчности, чѣмъ у «правыхъ», которые все время призываютъ къ убійству и насиліямъ. Но вотъ, что представляется мнѣ самымъ существеннымъ. Пора прекратить разговоры о словахъ и начать разговоры о реальностяхъ. «Правый» и «лѣвый» — условные знаки и слова эти въ нашу эпоху теряютъ реальный смыслъ. Важно опредѣлить, какія реальности скрыты за словами и знаками. Требуеъ, чтобы православные были «правыми», видятъ въ этомъ существенный признакъ «православности». Что за этимъ практически реально скрыто? Реально, за «правыми» скрыто — политическій аморализмъ, отрицаніе свободы и достоинства человѣка, культъ грубой силы, практика насилія въ отношеніяхъ между людьми и народами, издѣвательства надъ евангельской моралью въ соціальной жизни. Я не вижу у «правыхъ» благородныхъ движеній души, они всегда защищаютъ деспотическую власть, національную вражду и войну, капиталистовъ и банкировъ противъ рабочихъ, несправедливыя привилегіи, жестокія наказанія, насиліе надъ совѣстью и удушеніе свободной мысли. «Правые» легко дѣлаются измѣнниками своей родины и своему народу. Романтики консерватизма, люди идеи, составляютъ ничтожную группу, которая не имѣетъ никакого практическаго значенія, главенствуютъ реалистическіе дѣльцы. «Лѣвость» тоже часто бываетъ лживой, корыстной и декламационной. Изъ того, что есть «лѣвые», измѣняющіе свободѣ и человѣчности, напр. коммуни-

сты, никакъ не слѣдуетъ, что свобода и человѣчность дурные принципы. «Правые» никакой ненависти не испытываютъ ко «лжи» коммунизма, безчеловѣчю и насилію, имъ это даже нравится и вызываетъ зависть. Они ненавидятъ «правду» коммунизма, принципъ безклассоваго, братскаго общества, не знающаго эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, идеаль мира между народами. Христіанство можетъ стоять лишь за политику, которая признаетъ верховную цѣнность человѣческой личности, ея свободу и достоинство и братскую организацію соціальной жизни, и будетъ противъ идолопоклонства передъ государствомъ, національностью, внѣшней церковностью и нечеловѣческими коллективными общностями, обычно прикрывающими реальные интересы господствующихъ классовъ. Очищенное христіанство должно вернуть моральному началу жизни его достоинство противъ моды православнаго аморализма, противъ лже-мистическаго и лже-сакраментальнаго аморализма, стоящаго не выше, а ниже морали человѣчности. Верховный принципъ достоинства человѣка разрушается ложной и безнравственной теоріей послушанія, допускающей такія неприглядныя исторіи, какъ исторія съ Богословскимъ Институтомъ. При этомъ нужно сказать, что уровень профессуры Богословскаго Института довольно высокой и значительная часть профессоровъ не можетъ быть названа обскурантами. Но ихъ заѣла традиціонная среда. Мы приходимъ къ тому заключенію, что было бы ошибкой защищать право христіанина исповѣдывать какія угодно политическія идеи. Христіанинъ не имѣетъ права держаться политическаго направленія, попирающаго свободу и человѣчность, противоположнаго евангельскому духу любви, милосердія и братства людей. Христіане должны образовать союзъ борьбы за свободу человѣка.

Николай Бердяевъ.